

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, КАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ

И.-М. Берсе

Первый громкий отклик на книгу Поршнева прозвучал во Франции из уст Виктора-Люсьена Тапье, блестящего знатока культур и событий XVII века, специалиста по Центральной Европе и славянским языкам. Его монография о Франции Людовика XIII, опубликованная издательством «Fayard» в 1952 г., заслуженно стала настоящим бестселлером. Отказавшись от традиционного исторического подхода, диктовавшего описание логичного и размеренного развития политической ситуации в дореволюционной Франции, Тапье дерзнул посвятить немало страниц народным восстаниям, которые вспыхивали то здесь, то там в ответ на усиление государственной власти. И сведения он черпал из книги Поршнева.

Разумеется, французские историки знали об этих восстаниях и до Поршнева – богатейший материал на сей счет можно было найти в бюллетенях и текстовых сборниках, выпускавшихся провинциальными научными обществами, однако в университетских и академических кругах существовала тенденция их игнорировать. Причиной подобного пренебрежительного отношения к крестьянским бунтам были вовсе не «буржуазные предрассудки», как писал Поршнев, побуждавшие французов затушевывать значимость этих событий. Скорее всего, дело было в том, что волны мятежей в провинциях так и не докатились в свое время до Парижа и Иль-де-Франса, а главное, ни одно из восстаний не оказало прямого и очевидного влияния на военную или политическую ситуацию в королевстве; а значит, в глазах историков народные волнения оставались всего лишь явлениями провинциальной значимости, которым нет места в большой, всеобщей истории. Поршневым первым объединил в общую панораму множество таких событий и возвел их в ранг типичного феномена эпохи кардиналов-министров Ришелье и Мазарини. Идя еще дальше в своей марксистской систематизации, он придал им важную в долговременной исторической перспективе роль – роль, судьбоносную для Франции Старого порядка.

В конце 1950-х годов, открыв для себя Поршнева, французские новаторы просто не могли не пересмотреть представления о социальной истории Нового времени и, прежде всего, сочли своим долгом расширить исследования о крестьянстве. Действительно, подход Поршнева, признававший за крестьянами значение, до той поры не

принимавшееся во внимание, отличался от снисходительного взгляда, который на крестьян обычно бросали ученые. К тому же указание на постоянную угрозу мятежа срывало мишуру с парадной истории «Великого века», и Поршневу в предисловии к своей книге, вышедшей в 1948 г.¹, не без оснований поздравлял себя с тем, что ему удалось изменить общепринятое апологетическое восприятие жизни общества тех времен. И все-таки мы вынуждены признать, что два антагонистических течения в исторической науке, которые можно назвать двумя вульгатами в интерпретации истории, – левого и правого толка – остаются в силе до сих пор; однако Поршневу, по крайней мере в пору написания книги, казалось, что он одерживает победу над своими оппонентами.

Французские исследователи имели возможность ознакомиться с работой Б.Ф. Поршнева еще до выхода французского перевода в Париже. Русское издание, напечатанное в Москве в 1948 г., находилось в свободном доступе в Национальной библиотеке, и пользу из него могли извлечь даже те, кто не владел русским языком, поскольку в качестве доказательств своих выводов автор привел большое количество текстов на языке оригинала, то есть на французском, а помимо этого в постраничных сносках давал ссылки на другие печатные источники по истории народных восстаний, упоминавшихся в трудах эрудитов XIX в. Немецкий перевод книги Поршнева, изданный в Лейпциге в 1954 г., оказал всем заинтересованным дополнительную помощь. Позволю себе нескромно сослаться на собственный опыт. Мое внимание к обсуждаемой теме было вызвано юношеским увлечением историей аквитанских провинций, откуда я родом. Дени Рише, с которым мы познакомились на семинаре у П. Губера, а позднее встречались в семинаре у Р. Мунье, расширил своими советами круг моего чтения, а Владимир Водов, однокашник из Национальной школы хартий, переводил по моей просьбе наиболее сложные отрывки (взамен, будучи неплохим рисовальщиком, я копировал для него карты Киевской Руси, по истории которой он впоследствии стал специалистом). Все эти личные мелкие подробности я привожу только для того, чтобы показать: в 1957 г. любой французский первокурсник мог приобщиться к работе Поршнева и самостоятельно заняться изучением событий, к которым тот привлек внимание.

Первым с критикой умозаключений Поршнева выступил Ролан Мунье. Диссертация о продаже должностей, защищенная в 1945 г., ввела Мунье в ряды специалистов по истории общественной жизни и политических институтов XVII века. Оставив в стороне формальную методологию классической истории права, он изучал социальные последствия законов и установлений, сначала предполагаемые – в свете

¹ *Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции пред Фрондой (1623–1648). М., Л., 1948. – Прим. ред.*

исходных намерений законодателей, а затем фактические – практику внедрения и применения этих законов и установлений, их трансформацию, искажение или корректировку. В итоге, глубочайшие познания в области социальных и политических механизмов эпохи Нового времени позволили ему выявить в метаисторической конструкции Поршнева деформации и аномалии, несовместимые с образом мысли и поведения отдельных личностей и сообществ тех времен. Тапье разделял мнение об анахронизмах – перенесении понятий, сформировавшихся в более поздние времена, на предшествующие эпохи – и некоторой предвзятости обобщений у Поршнева. Чуть позже те же сомнения высказал Робер Мандру, но именно Мунье в большой обзорной статье в 1958 г. взял на себя труд беспристрастно проанализировать поршневскую трактовку событий.

Мунье брался за перо как специалист по истории XVII в., но ему пришлось выступить еще и в роли адвоката французской исторической науки, которую Поршнева обвинил в неспособности разглядеть предпосылки Революции, сформировавшиеся, по его убеждению, внутри общества за три века до ее начала. Научный спор, таким образом, вышел за рамки простых разногласий по поводу цели восстаний против Ришелье, определения главных мятежников, их намерений и результатов борьбы. Книгу Поршнева предстояло раскритиковать за то, чем она являлась по изначальному замыслу, а являлась она манифестом, собравшим и смешавшим в себе все животворные и ядовитые плоды советской историографии. И Мунье подключил историков, посещавших его семинар, к методическому изучению народных восстаний и деятельности должностных лиц монархии, государственных советников и интендантов в провинциях, призвал к исследованию архивных материалов, проливающих свет на их образ действий. В тот период своей карьеры Мунье, благодаря высокому положению в Сорбонне, масштабной преподавательской работе, лидерским качествам и ораторскому таланту, мог положить начало многим научным проектам – в том числе разработке критериев оценки мемуарной литературы и диссертаций, сортировке и копированию интендантских писем из фондов Сегье, хранившихся в Отделе рукописей Национальной библиотеки Франции, а также внимательному изучению трудов правоведов XVII в. и, прежде всего, Шарля Луазо, блестящего знатока и свидетеля эпохи Генриха IV. Тогда, в год выхода критической статьи на книгу Поршнева, Мунье еще не сформулировал свой метод социального анализа исторических ситуаций, это произойдет позднее – в 1964 г., во время его стажировки в университете Мэдисона (Висконсин).

Надо сказать о том, что началу полемики между двумя историками способствовал один давний исторический инцидент – переправка архивов из Франции в Россию. Как известно, в 1791 г. в руки Петра Дубровского, секретаря российского посольства, случайным или обманым путем попала часть архивных документов из Сен-Жермен-де-Пре,

в результате чего большое число писем провинциальных чиновников канцлеру Сегье оказалось на хранении в Санкт-Петербурге. Поршневу обнаружил эти фонды около 1939 г. (ему тогда было тридцать четыре), оценил их достоинства и за три года кропотливого труда подготовил на основе архивных материалов книгу; работа была закончена как раз перед началом немецко-фашистского вторжения. Об этапах создания этой монографии он поведал позже, в предисловии, написанном в 1948 г. Там же Поршневу отрицал, что главными положениями своей монографии он обязан счастливому случаю – открытию архивов, и уверял читателей, что только его изыскания на тему классовой борьбы позволили ему придать смысл найденным источникам. Так или иначе, в распоряжении начинающего исследователя, каким Поршневу был в 1939 г., оказалась подробнейшая летопись народных волнений, и это можно назвать поистине баснословной удачей, ведь в его родном городе чудесным образом сохранилась официальная переписка органов судебной власти французского королевства за тридцатилетний период. Необходимо также подчеркнуть, что столь богатой тематической подборки документов нет ни в одном другом архивном фонде. Возникает, однако, сугубо риторический вопрос трактовки источников: действительно ли частота и размах народных восстаний вызвали такой ответ со стороны властей, выявленный впоследствии историками, или же в оценке чиновников той эпохи масштаб событий завышен и в другие периоды могли возникать аналогичные кризисы, не находя при этом подобного отражения в документации?

Известно, что еще более внушительное число писем, адресованных Сегье, осталось в Париже и, естественно, было передано в Отдел рукописей Национальной библиотеки. Мунье ознакомился с ними в тех же 40-х годах, когда, параллельно с Поршневым, занимался изучением статутов и обязанностей королевских чиновников – и то, и другое во времена старой монархии находилось в ведении канцлера. Таким образом, Мунье получил доступ к документации, симметрично дополняющей ту, что хранилась в ленинградских фондах. В итоге французский и советский исследователи оказались в каком-то смысле двумя дуэлянтами, вооруженными совершенно одинаково. И на этом параллели не заканчиваются. Поршневу и Мунье были ровесниками, оба снискали признание и достигли высокого положения в университетской среде. Добавлю также, что я не раз наблюдал за ними в беседах и спорах, и могу сказать, что они не слишком отличались по характеру и подходу к работе. Друг к другу они относились с большим уважением и – немаловажная деталь – соблюдали правила академического этикета. В свете вышеизложенного можно сделать вывод, что в их противостоянии не было ничего личного, оно не имело также отношения ни к конфликту поколений, ни к столкновению двух разных концепций истории, а было сугубо идеологическим.

Изложение исторического материала, принятое Поршневым, сразу вызывает нарекания, которые связаны с методом воссоздания событий,

продиктованным ему марксистской школой. Он имеет склонность приписывать действующим лицам народных восстаний выраженные социально-политические мотивировки, а также роли в соответствии с той исторической драматургией, которая представлялась ему плодотворной и жизнеподобной. Такой подход требовал отвести конкретное место каждому из сонма главных героев и статистов, предводителей и жертв мятежных выступлений и репрессий, для каждого заранее начертить определенную линию поведения, в результате чего поступи, манифесты и слова людей, зафиксированные в архивных источниках, неминуемо истолковывались в согласии с изначально выбранной исследователем метаисторической установкой. Следствием этого было частичное, но хорошо заметное и значимое отклонение от реалий эпохи, а также путаница в терминах, подбор которых служил акцентированию социального раскола. Поршневу использовал такие туманные и обманчивые термины как «плебейские (городские) массы», называл «сеньором» всякого горожанина-землевладельца, а «высокопоставленным чиновником» – любого провинциального писца и т.д.

Р. Мандру в своем предисловии к изданию французского перевода книги Поршнева (1963 г.) уверяет, что постарался выправить неточную и спорную терминологию, однако множество подобных фрагментов все же сохранилось в тексте. Подобный идеологический взгляд на прошлое, такое упрощение характеров, безусловно, имеет право на существование в тот момент, когда исследователь оценивает события в глубокой хронологической перспективе, делая обобщения и выводы, но это не приемлемо в процессе изложения исторического материала. Без сомнения, Поршневу неспроста обошел молчанием идею воссоздания духа времени. То ли ему воображения не хватило, то ли он боялся зайти в тупик, но он отказался от анализа культурного или хотя бы институционального контекста исторических эпизодов. Разумеется, нельзя упрекать историка, работавшего в 40-х и 50-х годах, в том, что он не проявил внимания к различиям в социальных идеалах, нравственных концепциях, поведенческих нормах разных эпох и не углубился в историю менталитетов, – это значило бы совершить по отношению к Поршневу ту самую ошибку, в которой упрекали его самого, то есть анахронизм, выражающийся в перенесении достижений будущего в прошлое. Впрочем, и в деятельности ученых тех лет все-таки оставалось место для исторического воображения – сам Поршневу в других своих работах выдвигал антропологические гипотезы, которые свидетельствуют о том, что он на многое был способен. Поэтому мне кажется, что главным, фундаментальным препятствием на пути научной мысли Поршнева была его абсолютная вера в универсальность марксистской методологии, в непреложность формационной теории развития общества, закономерности которой историк призван вычленять, – он не беспокоился о том, что такая доктрина истории неизбежно должна привести к телеологической и трафаретной трактовке фактов, граничащей с их искажением.

Еще один недостаток, который не сразу бросается в глаза – во всяком случае, я его обнаружил лишь по мере изучения книги Поршнева, – это устойчивая тенденция к преувеличению масштаба и значения описываемых событий. Большинство современников пренебрежительно относились к народным волнениям и почти не обращали на них внимания, а министры устремляли на них взор лишь для того, чтобы убедиться в отсутствии следов тайного вмешательства иноземных эмиссаров, происков протестантов или заговора знатных особ. И причиной тому была отнюдь не социальная слепота, а уверенность в том, что именно три вышеперечисленные силы (иностранные державы, протестанты и французские влиятельные персоны) являют собой реальную политическую угрозу. А вооруженные восстания крестьян и спорадические мятежные выступления городского простонародья, напротив, никогда не представляли опасности для государства – все эти возникающие время от времени беспорядки в деревнях или на улицах городов оставались на обочине общественной жизни и считались пустяком по сравнению с огромной опасностью, которой подвергалось королевство во время религиозных войн и Фронды.

В тексте книги и на картах локализации народных восстаний, для наглядности приведенных в приложении, Поршневу с легкостью бросает в огонь мятежей целые провинции, и жирные штрихи покрывают огромные пространства страны. Эти повествовательные и изобразительные приемы, однако, весьма обманчивы. Они указывают, разумеется, на частоту, обыденность и постоянную угрозу возникновения точечных очагов насилия, но при этом не дают никакого понятия о причинах «воспламенения», о распространении пожара и длительности горения. Перечисление в списках или на картах названий городов и сел без уточнения численности их жителей, административного статуса и доли населения, участвующего в восстаниях, создает впечатление о всеобщей смуте, которая охватывает обширные территории, да что там – все королевство, и вот-вот может привести к политическому перевороту, однако народная революция – это форма действий, совершенно не соответствующая нормам и реалиям тех времен.

Приведем конкретный пример. Заштриховывая на карте весь Керси или весь Руэрг, где в определенные смутные годы происходили народные волнения, исследователь тем самым отказывается видеть существенные различия в событиях, происходивших на горных склонах и в долинах двух провинций, а также понимать причины этих событий. Чтобы проследить динамику присоединения местного населения к бунтовщикам или, напротив, его отказа от мятежных выступлений, необходимо принять во внимание такие отнюдь не лежащие на поверхности факторы, как торговые льготы, пути перевозки товаров и перегона скота, религиозные распри, специфику местных нотариальных и судебных норм и т.д. Все эти особенности складываются в невидимые политические микроландшафты, которые затем накладывают свой

отпечаток на происходящие события и перемены в умонастроениях. Всякое возмущение, всякий вооруженный мятеж сельских жителей в заданных географических и социальных условиях конкретной эпохи должен рассматриваться сначала как отдельный феномен. Чувство солидарности и сопричастности у каждого жителя исчезало, как только он выходил за околицу родной деревни или за ворота города; представление о жизни провинции или всего королевства, обмен информацией, распространение новостей и слухов – все это имело повсюду и во все времена свою специфику, свой набор случайностей, свои пределы. Выбранный Поршневым способ изложения материала – обобщение, глобализация, схематизация событий – уводит его от поведенческих реалий XVII века и от обусловленных ими взаимоотношений в обществе. Благие намерения редакторов и картографов, на мой взгляд, лишь подчеркнули и усугубили главный недостаток авторского стиля Поршнева – его равнодушие ко всему, что он считал не имеющим отношения к политической эволюции, его пренебрежение к многочисленным элементам, которые собственно и определяют судьбу всякой территории, единого географического пространства сосуществования, будь оно названо страной, кантоном, сеньорией или любым другим словом, означающим некое сообщество людей, привыкших жить вместе. Я думаю, именно из-за этого вне поля его зрения и осталась основополагающая динамика развития обществ XVI–XVII вв., их коллективный и сословный уклад жизни.

Я не ставил себе целью дать на нескольких страницах исчерпывающий анализ книги Б.Ф. Поршнева. В равной степени я никогда не позволил бы себе и разбор довольно большого числа ошибок в именах собственных, названиях социальных институтов и учреждений, которые встречаются во французском переводе 1963 года. Но не могу обойти молчанием одну несправедливость, допущенную французскими исследователями: они знают, кто такой Поршнев, но не проявляют внимания к другим советским историкам. А между тем А.Д. Люблинская, более склонная к анализу фактов, нежели к построению теорий, тоже занималась историей XVII в. на основе изучения писем из фонда Сегье. Она опубликовала богатейшую подборку документов, касающихся Прованса (Москва, 1966 г.), и, что еще важнее, весьма содержательную монографию о политических кризисах 1620-х годов, с которой можно ознакомиться в английском переводе (1968 г.).